

Вечером вестибюль городской больницы, как обычно, был полон народу. Родственники, друзья, знакомые—много разного люду приходило в приёмные часы проведать пациентов.

За последние три месяца эти частые, почти ежедневные посещения стали для Романа вполне привычными, но не менее волнующими. Сегодня он принёс огромный букет ярко-красных роз—была особая дата.

Надев на туфли синие бахилы и накинув на плечи белый, недавно выстиранный мамой халат, Роман прошёл в дальний конец вестибюля, где за колоннами пряталась дверь, ведущая в больничные покои. Возле плотно закрытой металлической двери за кубообразным столом сидела бдительная вахтёрша—строгая худосочная тётка. Роман приветливо улыбнулся ей и ещё более приветливо протянул сторублёвку—пропускной документ. Вахтёрша, как всегда, виновато улыбнулась: дескать, не я же придумала эти правила,—взяла купюру и нажала кнопку. Щёлкнул электрический замок, Роман толкнул тяжёлую створку и вихрем взлетел по лестничным пролётам на третий этаж.

В слабоосвещённом холле онкологического отделения стояла зловещая тишина, что вполне соответствовало тягостной атмосфере надежд и ожиданий, умирающих вместе с пациентами этого самого страшного подразделения больницы.

Никого из медперсонала не было видно: стол дежурной пуст, стул отодвинут. Только одинокая уборщица в зелёном халате, не поднимая головы, методично тёрла шваброй кафельный пол в полутёмном левом коридоре. А правый коридор был ярко освещён голубоватым светом—там палаты с тяжелобольными, доходящими... .

Роман повернул направо. Сделал два шага... — Роман... э-э-э... Петрович... — неожиданно раздался негромкий, но повелительный окрик.— Минуточку!

Роман оглянулся.

Доктор Бялый, в голубом халате и сдвинутом на лоб колпачке, стоял в тёмном дверном проёме своего кабинета, заложив руки за спину. Роман подошёл ближе. Врач тоже шагнул навстречу. Марлевая маска спущена на грудь, бритое вытянутое

лицо выглядело утомлённым, а тёмные глаза под густыми бровями поблёскивали зорко и сердито.

Роман достал из пиджака слегка примятую, сложенную пополам тысячерублёвую купюру и протянул доктору. Тот аккуратно взял двумя пальцами и ловким движением спрятал в боковой карман халата. Роман не спешил уходить, дожидаясь новостей, но доктор молчал, чего-то выжидая. Постояв друг против друга с полминуты, врач наконец произнёс:

— Хотите поинтересоваться?..

Роман кивнул. Спрашивать не было сил—просто боялся, в который уже раз, задавать один и тот же вопрос.

— Ничего точно сказать не могу...— доктор отвечал медленно, с паузами.— По всем показаниям— в любой момент, в любой час... Увы, но её срок вышел. Она и так уже, сверх ожидаемого, две недели цепляется за жизнь. Крепкий организм... .

Доктор помолчал, поглядел с интересом на букет роз в руках Романа, затем добавил с искренним сожалением:

— Но никакой надежды нет. Никакой!

Роман покивал головой и поднял вопросительный, умоляющий взгляд.

Доктор твёрдо произнёс:

— Да-да. Всё как прежде. Болеутоляющие ставим по-прежнему. Облегчаем, как можем. Тем более что вы уже оплатили лекарства вперёд. Ещё на неделю хватит... .

Замолчав, врач развернулся и пошёл прочь—в полутёмный коридор. Роман—в освещённый, к самой дальней палате.

Палата была четырёхместной. Три кровати заняты, а четвёртая, ещё вчера с пациентом, сегодня—уже со свёрнутым матрасом—пустовала.

Роман подошёл к высокой койке возле большого окна, за которым угасал вечер и шумели на ветру деревья, и тихо позвал лежавшую с закрытыми глазами женщину:

— Галя... Галя... Я пришёл... .

Вид больной жены, исхудавшей, со впалыми щеками и тёмными, почти чёрными кругами вокруг глаз, приводил Романа в неопишимо горестное состояние. Он каждый раз, глядя на Галю,

внутренне содрогался от готовых вырваться наружу слёз, сердце его сжималось от жалости, и голова начинала кружиться от острого сопереживания. Роман так и не сумел свыкнуться с её неизлечимой болезнью и не смог смириться с приближающимся неизбежным концом.

Поначалу, когда ещё только поставили неутешительный диагноз, Галя лишь улыбалась, не веря, что это окончательный приговор. Она шутила, говорила, что с этим можно жить долго, и первые месяцы делала вид, что ей становится лучше. Но ей становилось всё хуже. И вот теперь уже несколько месяцев она лежит в этой больнице, в этой палате... Последние три недели она вообще не встаёт—силы совсем оставили её.

Роман взгляделся в лицо Галины—она изменилась до неузнаваемости. Порой он даже начинал сомневаться: а его ли это жена, некогда красивая и жизнерадостная, теперь лежит перед ним на этой больничной койке? Какая-то нелепая фантазия закрадывалась в его голову: может быть, Галину подменили? И теперь вместо неё лежит совершенно чужая женщина? А Галина, может быть, улетела в какую-нибудь сказочную страну и там в этот миг бегаёт босиком по цветущему лугу и зовёт его к себе?... Роман отгнал это наваждение, с горечью понимая, что здесь, перед ним, лежит его смертельно больная жена.

— Галя... — ещё раз тихо позвал Роман.

Она не спала—чуть приоткрыла глаза и осторожно повернула к нему голову. Галина всегда находилась в полубытьи от сильнодействующих дурманных лекарств, а пробивающееся сквозь болеутоление постоянное жжение в животе сковывало все её движения. Встреча с Романом всякий раз придавала ей немного силы, как будто она накапливала её к его приходу и старалась использовать это улучшение для того, чтобы поговорить с мужем и не провалиться в тяжёлый обморок.

— Здравствуй... — прошептала Галина.

Она увидела в его руках букет красных роз и с трудом улыбнулась.

— Здравствуй, — ответил Роман. — Это тебе!

Он осторожно положил букет ей на грудь, покрытую простынёй. Руки её прикоснулись к пунцовым цветкам, и тонкие сухие пальцы принялись неторопливо ощупывать лепестки. Она чуть-чуть притянула цветы к себе и вдохнула их аромат. Лицо её просветлело.

— Спасибо! — произнесла Галина уже чуть громче и твёрже.

Роман выдвинул из-под высокой кровати больничный табурет на тонких никелированных ножках и аккуратно уселся на него. Нежно коснувшись руки Галины, ласково провёл ладонью от локтя до кисти—рука её была холодной и дряблой.

— Ромка... — прошептала Галина, почувствовав его прикосновение. — Я так... счастлива...

Её сильно провалившиеся глаза неожиданно засветились радостью.

— Ты же знаешь: сегодня наша дата, — сообщил Роман. — Семнадцать лет!

— Да, я знаю... Я пом... — ответила Галина и затихла на полуслове.

Глаза её вмиг потухли, и веки сомкнулись. Но дыхание не прервалось. Букет, лежащий на груди, едва заметно приподнимался и опускался вместе со слабыми вдохами и выдохами больной женщины.

Роман привык к внезапным потерям сознания у жены. В последнее время они становились всё чаще и чаще. Когда Галина приходила в себя, она могла разговаривать минут пять, иногда десять, затем снова проваливалась в полубытьё или отключалась совсем—и тогда подолгу находилась без сознания.

Завтра выходной, на работу не надо, и Роман собрался посидеть эту ночь рядом с женой, возле её больничной койки. Точнее... у её смертного одра...

Роман набрался терпения.

2.

Ромке было семь лет, и он уже ходил в школу.

Мама, Татьяна Сергеевна, преподавала в индустриально-технологическом институте материаловедение, и ей иногда приходилось работать допоздна—вела занятия на вечернем отделении. А отец, Пётр Михайлович, работал главным инженером на большом механическом заводе, и он часто забирал сына после школы к себе на работу.

Ромке нравилось, что папа заезжал за ним на служебном автомобиле—чёрной «Волге»; что усаживал его впереди, рядом с вежливым шофёром Валерой; что разрешал ему играть в своём кабинете под присмотром секретарши—улыбчивой тёти Вали, пока сам отлучался по важным делам. Но чаще они вместе ходили по всему заводу.

Отец водил Ромку по огромным шумным цехам, показывая и объясняя, как называются станки, как они работают и что изготавливают. Водил и по тихим просторным отделам, рассказывая, зачем люди чертят карандашами на больших ватманских листах какие-то замысловатые рисунки и для чего в некоторых кабинетах находится столько разной бумаги: листов, листочков, папок, скоросшивателей, рулонов и свёртков.

А потом они вместе возвращались домой, и мама, встречая их на пороге квартиры, шуточно ворчала, что, дескать, незачем таскать ребёнка на завод. Но глава семьи никогда не оспаривал своего права на приобщение сына к производственной деятельности с младых ногтей—отец поступал так, как считал нужным.

А потом они вместе ужинали, и мама обоим ласково называла «работничками». Ромка в такие дни, после посещения завода, засыпал быстрее

обычного, чувствуя усталость и удовлетворение от своего важного соучастия в делах отца.

В один из таких «заводских» дней Ромка прохаживался вместе с отцом по токарному цеху. Тогда ещё только-только появлялись станки с числовым программным управлением, и в цехе, вместе с опытными пожилыми токарями, одетыми в синие комбинезоны, всё чаще встречались молодые, но уже бородатые научные сотрудники в белых халатах, которые мудрили возле приборов, похожих на большие кубообразные телевизоры.

Бородатые спецы что-то терпеливо объясняли отцу, тыкали пальцами в мигающие зелёными знаками экраны мониторов, трясли рулонами бумаги, выползающей из визжащих печатных устройств, а солидные токари вертели в руках выточенные на чудо-станках детали, прикладывая к ним штангенциркули и удивлённо кивали головами. Отец подолгу спорил и с теми, и с другими, иногда повышая голос, но всегда уходил довольным.

Однажды они вместе зашли в научно-технический отдел. Это был большой светлый кабинет, обставленный высокими книжными шкафами и стеллажами с рулонами чертежей. Но ещё кабинет был заставлен огромным количеством домашних цветов, рассаженных по керамическим горшкам и стеклянным вазам, жестяным банкам и пластмассовым ведёркам, деревянным ящикам и эмалированным кастрюлям. От изобилия разнообразной зелени помещение скорее походило на ботанический сад. Ромка попал сюда впервые, и ему сразу же понравилась необычная цветочная обстановка этого отдела.

Пока отец разговаривал с пожилой миловидной женщиной, мальчик решил заглянуть за огромный древовидный фикус, росший из бочки, которая стояла прямо на полу. Подобно садовому кусту пышнолистный фикус скрывал в тени угол кабинета, и было очень любопытно узнать, что же находится там, за этим загадочным растением.

А там находилось маленькое чудо... Ромка заглянул за куст и увидел тихо сидящую на низеньком стульчике девочку лет четырёх или пяти, с пухлыми щёчками и толстыми тёмно-русыми косичками, торчащими в стороны. Девочка держала в руках маленького поролонового медвежонка и внимательно изучала его, переворачивая во все стороны.

Ромка от неожиданности замер, не зная, как поступить. Девочка подняла голову и с удивлением поглядела на него, и он увидел её большие синие васильковые глаза. Ромка совсем растерялся, но девочка неожиданно улыбнулась ему. Мальчик облегчённо вздохнул.

— Меня зовут Галочка. А тебя как? — совершенно спокойно произнесла девочка мягким голоском.

Ромка всегда чувствовал робость при общении с девочками. В детском саду он даже отказывался танцевать с ними в паре — стеснялся. Да и в классе ему было неловко сидеть за одной партой с рослой не по годам Танечкой, которая всегда одёргивала его за мелкие шалости.

А тут Ромкина робость мгновенно улетучилась. Он почувствовал необъяснимую симпатию к этой синеокой девочке.

— А меня зовут Рома! — гордо произнёс он и сделал шаг поближе.

Девочка протянула ему медвежонка и глубоко-мысленно спросила:

— Вот, не могу найти у него сердце. Как ты думаешь, где оно находится у игрушечного медвежонка?

Вопрос Ромку озадачил. Он знал, что у человека сердце находится в груди с левой стороны. Так говорила бабушка, прикладывая руку к этому месту. Но где же, в самом деле, могло быть сердце у медвежонка из поролона? Ромка взял игрушку в руки, повертел и даже приложил к уху в надежде услышать сердцебиение. Но ничего не было слышно. — Я думаю, — важно произнёс мальчик, — что сердце у медвежонка должно находиться там же, где и у человека, — слева. Вот здесь!

Ромка приложил правую руку к левой стороне своей груди и почувствовал, как сильно бьётся его собственное сердце. Он нечасто испытывал подобное волнительное состояние и особо не пугался этого.

Галочка внимательно поглядела на мальчика, и её глаза радостно засияли.

— Я тоже думала, что у медвежонка обязательно должно быть сердце! — заулыбалась она и, поднявшись со стульчика, подошла к Ромке вплотную. — А у тебя сердце есть? — спросила она серьёзным тоном, глядя мальчику прямо в глаза.

Ромка от её вопроса сильно смутился. Он впервые так близко видел перед собой девочку, глядящую на него с таким необычным вниманием. Он почувствовал приятный запах её волос, её кожи, он увидел её глаза так близко-близко, что невольно сделал шаг назад.

— Да, конечно! — с напускной важностью произнёс Ромка. — У меня тоже есть сердце. Сердце есть у всех людей.

Галочка тихо ромка рассмеялась.

— А я думала, что у мальчишек нету сердца! — произнесла она уже без улыбки.

— С чего ты взяла? — искренне удивился Ромка.

— Так говорит моя бабушка: у мужчин нет сердца. А мальчики — это маленькие мужчины. Значит, у них тоже не должно быть сердца. Но я в этом сильно сомневаюсь! — Галочка произнесла эти слова с таким глубокомысленным видом и таким проникновенным голосом, что Ромке на мгновение показалось, будто перед ним вовсе и не маленькая девочка, а совсем уже взрослая девушка.

Почему-то от этих слов сердце у Ромки затрепетало ещё больше.

— Какие глупости ты говоришь. Без сердца не может жить ни один человек. И сердце обязательно есть и у мужчин, и у мальчиков. У меня оно точно есть!— произнёс Ромка с большим волнением и совсем неожиданно добавил:— Вот, послушай, как оно бьётся!— и подставил свою грудь.

Галочка прижалась ухом к его груди и прислушалась. Казалось, что учащённый пульс мальчишечьего сердца звучит очень громко, а само оно готово вот-вот выскочить из груди и упорхнуть, как воробей из клетки.

В этот момент произошло что-то необъяснимо чудесное. Рома почувствовал, что в нём что-то очень-очень сильно-сильно изменилось.

Девочка отняла ухо от груди и закивала головой. — Да-а-а!— промолвила она. — Так сильно стучит. . . Теперь я не сомневаюсь, что у мальчиков тоже есть сердце. Значит, когда мальчики станут мужчинами, они обязательно сохранят своё сердце?! — Конечно!— подтвердил Ромка. — А ещё. . .

Но ему не дали договорить. За куст фикуса заглянул Ромкин отец.

— А-а-а! Вот ты где спрятался!— обрадованно протянул он. — Я уже обыскался. Думал, что ты убежал из кабинета. . . А это у нас кто?— заулыбался отец, заметив маленькую девочку, стоявшую рядом с его сыном.

— Это. . . — почему-то снова смутился Ромка. — Это Галочка.

Из-за отцова плеча выглянула та миловидная пожилая женщина, с которой тот только что разговаривал.

— Ой, Пётр Михайлович, это моя внучка, — зашебетала женщина, то ли оправдываясь, то ли спеша объясниться. — Не с кем было сегодня оставить. Садик на карантине—пришлось взять с собой на работу. Она никому не мешает. Вот сидит тихо и играет.

— Да что вы, Марья Павловна, я понимаю. Куда же девать деток? Я вот тоже Ромку с собой беру, чтобы не болтался дома один,— отец потрепал сына по голове. — А ты уже подружился с Галочкой?— спросил он неожиданно.

Ромка не понял вопроса: что значит— подружился? Познакомился, обменялся несколькими словами, поговорил немного—разве это подружиться? Подружиться— значит провести вместе много времени, найти общие интересы. Нет, подружиться—это серьёзное понятие, требующее особой ответственности.

— Нет,— произнёс Ромка сердито,— мы ещё не подружались.

Галочка почему-то поджала губы, глаза её, только что сияющие, погасли, и она отвернулась от Ромки, сделав вид, что внимательно разглядывает своего медвежонка.

Мальчик понял, что проявил бестактность, нечаянно произнёс какую-то глупость, и ему стало от этого очень неловко.

Он шагнул к отцу, дёрнул того за рукав пиджака и громко, нарочито грубо, чего никогда раньше не позволял себе, произнёс:

— Нам пора домой! Мне нужно делать много уроков. . . И мама давно заждалась!

Отец был деликатным человеком, он сразу понял Ромкин конфуз и погладил сына по голове: — Ну конечно, сейчас поедем!— глянул на часы и воскликнул:— Ай-яй-яй! Уже почти семь вечера. Припозднились мы. Да и вы, Марья Павловна, поезжайте уже домой. Завтра и доделаете всё. Поезжайте!

Ромка с отцом направились к выходу. Мальчику было неловко и стыдно. Он хотел оглянуться и попрощаться с Галочкой, но почему-то не смог. Какая-то внутренняя, вдруг всплывшая ниоткуда вредность не позволила ему сделать этого. И стало Ромке ещё горше и неприятнее.

Уже возле дверей отец оглянулся и окликнул Марью Павловну:

— А вы приводите Галочку с собой, не смущайтесь. Вот, может, и Ромка в другой раз зайдёт поиграть с ней. Да, Рома, придёшь с Галочкой поиграть?— Пётр Михайлович положил руку на плечо сына и потормошил.

Но Ромка сердито дёрнул плечом, сбрасывая руку отца, и опрометью выбежал за дверь.

3.

Целую неделю отец не брал Ромку с собой на работу, а ему очень хотелось поехать. Особенно хотелось зайти в тот самый научно-технический отдел, где работала Марья Павловна, и там он надеялся снова повстречаться с Галочкой. Но отец почему-то не брал его на завод.

Так прошла ещё неделя. Затем другая.

Наконец Ромка не выдержал и сам подошёл к отцу.

— Папа, почему ты больше не берёшь меня с собой на завод?

Отец сидел за столом, обложившись толстыми книгами и шуршащими чертежами. Он немного опустил лист ватмана, который развёрнутым держал в руках, и поверх него внимательно посмотрел на сына:

— А ты хочешь поехать на завод?

— Конечно, хочу!— твёрдо ответил Ромка.

Отец немного помолчал, затем произнёс строгим голосом:

— А в последний раз мне показалось, что тебе надоело ездить со мной!

— Нет,— смущённо ответил Ромка,— это неправда. Я очень хочу поехать на завод. Вместе с тобой.

Пётр Михайлович изучающе поглядел на сына, но ничего не сказал. Лист чертежа поднялся,

закрыв лицо, и отец снова погрузился в работу. Ромка немного постоял и, почувствовав неловкость, ушёл в свою комнату. Больше он не просился взять его на завод.

Правда, через месяц, уже где-то под Новый год, отец неожиданно заехал за Ромкой в школу и, усадив, как всегда, на переднее сиденье в машине, спросил:

— На завод поедешь?

Мальчик едва не подпрыгнул от радости, но всё-таки сумел сдержать эмоции.

— Ага! Поеду,— произнёс он как бы нехотя.

На заводе Ромка ходил вместе с отцом по цехам, заглядывал в кабинеты и разные помещения и втайне надеялся, что они непременно зайдут в научно-технический отдел, где работает Марья Павловна, и там, может быть, он, наконец, увидит Галочку.

Когда Ромка уже совсем устал от долгих хождений и ему захотелось домой, они, наконец, зашли в тот самый отдел. Марья Павловна приветливо заговорила с отцом, улыбнулась Ромке и о чём-то спросила его, но он не расслышал, потому что его снова охватило сильное волнение и в груди учащённо забились сердце... Галочки нигде не было видно, и надежда встретиться с ней рухнула.

Отец закончил разговор с Марьей Павловной и, легонько подтолкнув сына, направился к выходу. Ромка понуро пошёл следом. Уже возле двери Пётр Михайлович спросил сотрудницу:

— А что вы не взяли с собой Галочку? Садик уже сняли с карантина?

Марья Павловна грустно улыбнулась и совершенно обыденным голосом произнесла страшные для Ромки слова:

— А Галочка уехала вместе с родителями. Дочку с зятем направили в длительную командировку в Сибирь... На строительство нового металлургического комбината... На три года! Им там квартиру пообещали.

И Марья Павловна, моментально потускнев и прикрыв лицо ладонями, неожиданно всплакнула: — Галочку я теперь не скоро увижу.

Пётр Михайлович ничего не сказал, только положил руку на плечо сына, слегка похлопал, будто утешая, и вместе они вышли из кабинета.

Домой ехали молча. Отец молчал, чувствуя грустное настроение сына, а Ромка был сильно удручён. В его жизни произошло первое сердечное сокрушение.

4.

Галина пришла в себя. Букет давил ей на грудь, было тяжело дышать, и она, ещё раз осторожно вдохнув сладковатый аромат роз, попыталась сдвинуть цветы в сторону. Но букет упал на пол.

Роман, прикрыв ладонью глаза, сидел в задумчивости рядом на стуле. Он глянул на очнувшуюся

жену, улыбнулся и поднял букет с пола. Поискав глазами, куда бы поставить, встал и воткнул его за настенный светильник, висевший над головой Галины.

— Так тебе будет видно, и аромат будешь чувствовать,— тихо произнёс Роман.— Соку хочешь?

Галина кивнула, хотя ей совсем не хотелось. Ей вообще было больно пить, но, чтобы сделать Роману хоть что-то приятное, она согласилась на глоток сока.

Роман подошёл к холодильнику, стоявшему в углу палаты, и достал ещё не вскрытый пакет яблочного сока, который принёс только вчера. Галина вообще мало что пила и ела из гостинцев, многое портилось и выбрасывалось в мусор, но родственники снова и снова приносили соки, фрукты, домашнюю выпечку, чтобы хоть немного порадовать больную.

Роман налил золотистый сок в тонкий стеклянный стакан до половины и подал Галине. Её голова лежала на высокой подушке, и, осторожно взяв стакан обеими руками, она медленно поднесла его к губам. В руках совсем не было силы, но она сделала кое-как несколько маленьких глотков. Прохладная кисло-сладкая жидкость прошла по пищеводу и попала в большой желудок. Галина ожидала острой болезненной реакции, но на этот раз её не последовало—организм принял фруктовый напиток, давая возможность насладиться давно забытым вкусом.

Она допила мелкими глоточками сок и протянула пустой стакан. Роман взял его, на секунду прикоснувшись к её пальцам, и поставил на тумбочку.

— Спасибо,— с чувством произнесла Галина и улыбнулась.

Чуть-чуть прибавилось сил, и ей захотелось расспросить мужа о детях, о своей матери, о доме. Хотя виделась она с детьми совсем недавно, они регулярно навещали её каждую неделю, но, тем не менее, длительная разлука с близкими, особенно с детками, была для Галины невыносима.

— Как Саша?— поинтересовалась она.

Это был часто задаваемый вопрос, но Роман каждый раз отвечал на него неодинаково, с разными подробностями и старался не повторяться. — Сашка вчера ушиб ногу на тренировке, готовится к соревнованиям. Если он попадёт в тройку призёров, то ему будет обеспечен первый юношеский разряд по борьбе. Ты же знаешь, как для него это важно. Его мечта поступить в военное училище нуждается в подкреплении. Разряд по стрельбе и плаванию он уже получил, а теперь добивается успехов в самбо.

Роман рассказывал легко и с задором, немного утаив, что пришлось лечить ушиб в травмпункте и там сыну туго забинтовали ногу. Но зачем лишние тревоги?!

— А Леночка? — Галина спрашивала автоматически, чувствуя, что снова отключается и теряет сознание.

— Готовится к экзаменам. Ходит на подготовительные курсы. У неё всё хорошо. Она же целеустремлённая девушка, — произнёс Роман и добавил: — Как ты. Такая же целеустремлённая, как и ты.

Но Галина уже не услышала последней фразы. Она проваливалась в пустоту, и голос Романа звучал где-то далеко, в пределах того пространства, которое она покидала во время обмороков.

5.

Однажды весной, когда Гале было десять лет, она пошла погулять вместе с подружками на берег Енисея. Небольшой промышленный городок, в который девочка приехала вместе с родителями пять лет назад, отстраивался бурными темпами. Девятиэтажные панельные дома в окружении вековых сосен восходили каскадами друг за другом вверх по пологому склону горы, образуя причудливый амфитеатр.

Некогда дикий и заваленный огромными гранитными камнями берег Енисея за эти годы превратился в широкую заасфальтированную набережную, отгороженную от реки фигурным бетонным парапетом с декоративными фонарными стойками из чугуна.

Ребятишки любили приходить сюда и подолгу играли: здесь просторно, немногочисленно и совсем не ездили автомобили. Можно было бегать и играть в пятнашки; можно было, расчертив мелом асфальт, играть в классики или просто прыгать через скакалку. Можно было перекидывать бадминтонными ракетками пластмассовый волан или звонко наступивать оранжевым баскетбольным мячом. А можно было кататься на самокате или с ветерком гонять на велосипеде. Да мало ли во что можно было играть на огромном ровном пространстве рядом с большой рекой, от которой всегда тянуло влажной прохладой?

А ещё можно было просто стоять возле парапета и долго-долго глядеть на стремительное течение прозрачной и студёной воды, местами закручивающейся в огромные буруны.

Девчонки разбились по трое и принялись неторопливо прохаживаться по набережной, обсуждая прочитанные накануне книжки. Галя всегда много читала, и ей было интересно размышлять о прочитанном в одиночестве, без посторонних суждений, но когда подружки начинали расспрашивать о какой-нибудь приключенческой книге, то она охотно и красочно пересказывала сюжет, всегда подчёркивая достоинства тех героев, которые ей понравились, и осуждая отрицательных персонажей. Галю всегда слушали очень внимательно, потому что она была интересной рассказчицей.

Девочки прогуливались и весело болтали. Кто-то предложил поиграть в классики, и все охотно согласились. Они выбрали место возле парапета, и одна из подружек принялась расчерчивать мелом квадраты на асфальте.

Галя первой заметила, как в их сторону быстро мчался на подростковом велосипеде мальчишка лет двенадцати. Он ехал, петляя, выпендриваясь и выделывая крутые виражи. Галя беспокойно поглядывала на этого велосипедиста: вдруг он надумает их попутать или сделать ещё какую-нибудь пакость? Мальчишки часто привлекали к себе внимание разными шалостями.

Велосипедист близко подъехал к девчонкам и резко затормозил, пытаясь изобразить лихой вираж. Но заднее колесо неожиданно занесло юзом, и мальчишка с сильным грохотом упал прямо на асфальт! Велосипед громко брякнулся и зазвенел железом. Девочки взвизгнули от неожиданности и испуга, а Галя инстинктивно бросилась к мальчишке на помощь.

Тот лежал ничком, уткнувшись лицом в ладони. — Ты живой? — подбежав ближе, с тревогой спросила Галя. — Тебе больно?

Она присела на корточки и потрогала мальчишку за плечо. Тот повёл плечом и приподнял голову. У него от удара об асфальт были содраны до крови лоб и руки. Видно было, что ему очень больно, но он вымученно улыбнулся и озорно подмигнул девочке:

— Живой.

Галя поднялась и хотела помочь мальчишке, но тот сердито буркнул:

— Не надо! Я сам!

Он приподнялся на руках, встал на колени, потом, сильно ойкнув, на обе ноги.

Галя заглянула ему в лицо. Мальчик растерянно улыбался и морщился, то ли от досады, то ли от боли, то ли от стыда, что так нечаянно опозорился перед незнакомыми девчонками.

— Тебе очень больно? — переспросила Галя. — Может, тебе надо в травмпункт?

Мальчишка помотал головой, но по напряжённому лицу было видно, что ему всё-таки очень больно, он наверняка сильно ушибся, и на его руках там, где была сильно содрана кожа, сочилась алая кровь.

Гале стало жалко незадачливого лихача, и она принялась поднимать с земли его велосипед. — Не надо, я сам! — строго прикрикнул мальчик.

Но Галя всё-таки подняла велосипед и передала потерпевшему:

— Держи!

Мальчишка взял в руки руль и оглядел свой пострадавший транспорт: помялись крылья, сдвинулось набок седло, но велик был на ходу.

Галя порывалась хоть как-нибудь помочь пострадавшему.

— Может, тебя проводить до дома?

— Не надо, — смягчившись, ответил горе-велосипедист. — Мне недалеко. Я тут рядом живу, — он махнул рукой в сторону ближних домов. — Вот только велик помял. Брат будет ругаться.

Галя сочувственно смотрела на мальчишку, и ей вдруг показалось, что она видела его где-то раньше. Он был невысок, коренаст, с большой белобрысой головой и крупным прямым носом. Его светло серые глаза лучились озорным задором, и Галя уверилась, что она точно встречалась с этим мальчиком раньше.

— А меня зовут Галя! — звонко произнесла девочка и почему-то смутилась, хотя раньше никогда не испытывала стеснения и знакомясь с мальчишками легко и без всякой неловкости.

А тут, когда она увидела перед собой этого мальчишка, который показался ей знакомым, Галя неожиданно испытала непонятное смущение.

Мальчишка молчал и тоже с интересом разглядывал смелую и добрую девочку. Помедлив, он улыбнулся и с достоинством произнёс:

— А меня зовут Владик.

Спohватившись, поправился:

— Владислав.

«Владик, — подумала Галя и поняла, что обозналась. — Значит, ты не Ромка!»

Но вслух ничего не сказала. Она повернулась и побежала назад, к ожидавшим её подружкам, молча наблюдавшим сцену спасения упавшего велосипедиста. Оглянувшись, Галя помахала рукой и выкрикнула:

— Ну, пока! Не падай больше!

И вместе с засмеявшимися подружками она принялась прыгать по расчерченным квадратам, играя в классики и так больше ни разу не взглянув на мальчишка с велосипедом.

Владик тихо уехал.

6.

Роман потихоньку вышел из палаты. Пока Галя была без сознания, он решил немного размять затёкшие ноги и зашагал по ярко освещённому коридору мимо палат — несколько раз туда и обратно. На мягком линолеуме шагов почти не было слышно. Только казалось, что частый стук сердца оглашал этот пустой коридор.

Никто не знал, как Роману было тяжело. Тяжело не от этих, почти ежедневных, дежурств в больнице, иногда ночных, бессонных, возле кровати жены. Не от частых хлопот по дому и с детьми. Не от навалившихся вдруг проблем на работе. Нет, ему было тяжело от сознания неминуемой потери близкого человека, от этой безнадёжной и безысходной ситуации.

Роман не мог до конца смириться с неизбежной и скорой кончиной жены. Это казалось ему нелепым и несправедливым. Где-то в глубине души

он понимал, что чуда уже не произойдёт и нужно только терпеливо дожидаться неотвратимого конца. Но с другой стороны, на поверхности души в нём всё закипало от возмущения, и он страстно желал избавления Галины от смертельного исхода. Роман иногда начинал слепо верить в какое-то неожиданное сверхъестественное чудо, в то, что оно должно непременно случиться с его женой. Ему казалось, что Галя обязательно должна исцелиться, встать на ноги и снова быть такой же, как прежде, — красивой и весёлой. Но потом эта слепая вера угасала так же неожиданно, как и возникала.

Сразу после того, как Галине объявили диагноз, Роман пытался повести её в какой-нибудь медицинский центр или вызвать к ней какого-нибудь знаменитого врача. Но Галя сама не захотела ничего предпринимать! То ли она тайно надеялась, что диагноз ошибочен и она выздоровеет самостоятельно, то ли она решила смириться и всё принять так, как ей написано на роду. Галя отказалась от всех предложений поехать куда-нибудь на лечение или обратиться к кому-нибудь из целителей. По мере ухудшения здоровья и нарастания болей, уже окончательно осознав правильность рокового диагноза, она переносила болезнь мужественно и стойко, стараясь сильно не обременять близких. В какой-то момент стало очевидно, что болезнь уже окончательно одолела её и начала неуклонно прогрессировать, быстро разрушая организм.

Изредка Роман сердился на Галину и начинал упрекать за то, что она рано сдалась и что совсем не хочет бороться за жизнь. Но в ответ Галя только улыбалась и с каждым разом становилась всё тише и спокойнее, безмолвно принимая горькие упрёки мужа. Она понимала его отчаяние. Роман спohватывался и замолкал, потом стыдился своего срыва и старался как-нибудь загладить вину. Он приносил ей букеты цветов, ставил в вазу на тумбочке рядом с кроватью и подолгу сидел с женой, гладил её лицо и руки. Это радовало Галину, и её настроение заметно улучшалось... Но болезнь неотвратимо наступала! Галя становилась всё более замкнутой и безучастной, всё меньше проявляла эмоций и интереса к окружающему. От её былой жизнерадостности уже почти ничего не осталось...

Когда к ней в больницу приходили дети, дочь Елена и сын Александр, она немного оживала, светлела лицом, чуть-чуть расцветала и начинала улыбаться. Но после ухода детей она сразу же, словно отключённая лампа, стремительно гасла и остывала, снова превращаясь в тусклую, мрачную, неподвижную и безучастную ко всему тяжелобольную женщину.

И всё-таки Роман всеми силами души страстно желал остановить надвигающуюся смерть жены. Он готов был приходиться к Галине в больницу

каждый день на протяжении многих месяцев и многих лет. Лишь бы видеть её живой!

Но иногда Роман впадал в страшное отчаяние. Он мысленно представлял себе тот трагический день, когда останется совсем один, без Галины. Сразу же его обволакивал какой-то душевный вакуум, а перед глазами возникала чёрная пустота. Ему становилось так страшно от этой мысли, что внезапная острая боль, кольнувшая в левой стороне груди, затем пронзала его насквозь. И только эта боль отрезвляла, приводила его в нормальное чувство, и он снова начинал ощущать реальность.

Галина мучилась физически, пожираемая беспощадной болезнью, а Роман терпел страшные душевные муки, сжигаемый неизлечимой жалостью и глубоким состраданием к своей несчастной жене. Так они и мучились рядом друг с другом: Галина — на смертном одре в онкологическом отделении городской больницы, а Роман — рядом с ней, все свободные от работы и от домашних дел часы.

Роман хотел всячески остановить время. И даже свои мучения он готов был продлевать до бесконечности. Но силы понемногу оставляли его.

7.

Когда Роман учился на третьем курсе индустриально-технологического института, приятели Борик и Тимофей выманили его однажды на предновогодний танцевальный вечер в клубе железнодорожников.

Роман долго не соглашался — он не любил ходить по танцуйкам. Тем более по праздничным, когда в общественных местах появлялось много подвыпивших и нагловатых людей, ведущих себя вызывающе и по-хамски. У Романа было обострённое чувство справедливости, и он с трудом сдерживался, чтобы не начать усмирение какого-нибудь слишком распоясавшегося наглеца. Пару раз ему приходилось заступаться за девочек, которых домогались излишне ретивые парни, и из-за этого он уже попадал в очень неприятные драки. Неприятные потому, что, имея первый разряд по самбо, он жёстко раскидывал задиристых придурков, а от защитников правопорядка все нарекания почему-то доставались только ему.

Однажды Роман едва не угодил в милицию за «избиение» троих парней, которые были намного старше и крепче его. Тогда всё обошлось, потому что милиционерам стало просто смешно от живописно разукрашенных лиц незадачливых хулиганов, схлопотавших на орехи от одного вежливого студента. С тех пор Ромка и не ходил на всякие танцы-шманцы и дискотеки, так как не хотел попадать в неловкие ситуации. А не попадать в них он не мог, потому что был принципиальным и равнодушным парнем.

Но на этот раз он почему-то согласился. Да и мама стала уговаривать: дескать, сходи, развейся.

Ромка и вправду в последнее время всё чаще сидел за книгами — усердно готовился к зимней сессии.

Отец мечтал, чтобы Роман обязательно пошёл по его стопам и стал выдающимся инженером-механиком. Сын никогда и не возражал. Частые поездки на завод, с первого и по десятый класс, привили вкус к индустриальной технике. Он, можно сказать, вырос на производстве, полюбил сложный организм огромного механического завода, на котором монтировались такие сложные агрегаты, что даже и невозможно было представить, будто их вообще способен изготавливать человек. Но эти сложные механизмы собирали именно на этом заводе тысячи грамотных и очень опытных людей, которые умели управлять умными станками и чертили хитрые чертежи, которые могли изобретать диковинные конструкции и воплощали их в металле.

Роман уже в старших классах, на радость своему отцу, всё-таки почувствовал в себе призвание стать инженером и решил посвятить жизнь механическому заводу, который хорошо знал с детства. Поэтому он без особых трудностей поступил в институт и стал прилежно учиться, не желая тратить время на пустяковые, как он считал, развлечения.

Но в тот день он всё-таки пошёл на танцы вместе с приятелями.

Клуб железнодорожников — ампирное трёхэтажное здание с дорическими колоннами под фронтоном — располагался рядом с вокзалом, почти в центре города, и потому считался очень популярным заведением у молодёжи.

Здесь по субботам проводились то танцевальные вечера, то входившие в моду дискотеки. Отличались они друг от друга только тем, что на танцевальных вечерах играл живой оркестр, точнее, вокально-инструментальный ансамбль из пятерых длинноволосых, хипповатого вида парней с электрогитарами, электроорганом и гремучими барабанами. А дискотеку проводили очень громко под магнитофонные записи двое модных и стильных парней — сотрудники местного научно-исследовательского института сплавов цветных металлов.

Дискотека ещё привлекала новинками — цветомузыкальными эффектами, лихорадочно мигающими стробоскопами и модными записями зарубежной популярной музыки. Парни, что называли себя диск-жокеями, возвышались на сцене посреди звукоусиливающей аппаратуры и магнитофонов с огромными катушками, трясли головами в наушниках и с хорошим английским произношением объявляли имена иностранных исполнителей и названия музыкальных композиций, испытывая явное удовольствие от высокой миссии культурного просвещения своих провинциальных земляков.

Но простые танцевальные вечера были всё же интереснее и живее. Хипповатые музыканты очень хорошо, почти виртуозно играли на инструментах и не только исполняли популярные произведения отечественной и зарубежной эстрады, но и часто пели песни своего собственного сочинения. Это были оригинальные композиции с красивыми и запоминающимися мелодиями, с живым ритмом и понятными текстами романтического содержания. Молодёжь любила эти песни и часто подпевала им. В таком живом общении с ансамблем электромузыкальных инструментов танцы проходили очень весело и необычайно интересно.

И вот Роман с приятелями оказался на танцевальном вечере. Борик и Тимофей сразу же повстречали знакомых девушек и вместе с ними куда-то улетучились.

В огромном зале громко играла ритмичная музыка, по стенам прыгали световые блики от праздничной иллюминации: переливались радужным спектром гирлянды, и перемигивались цветные фонарики. Повсюду висели новогодние украшения, а ёлка, подвешенная к потолку с правого края от сцены, сверкала электрическими огоньками. Публика танцевала: кто попарно, а кто — сбившись в небольшие кружки. Некоторые прохаживались возле колоннады, расположенной вдоль стены с высокими окнами.

Роман стоял в одиночестве возле колонны неподалёку от сцены и с интересом разглядывал зал. Народу было много, более двух сотен. Парни были одеты в отглаженные добротные костюмы, почти все в галстуках и с аккуратными стрижками. Девушки красовались в вечерних платьях, с модными объёмными причёсками. Публика выглядела очень весёлой: кто просто так, разгорячившись от танцев, а кто-то из парней уже и принял на грудь стопочку-другую винца.

Школьников-старшеклассников здесь было мало, в основном сюда приходили студенты из местных вузов и учащиеся окрестных профтехучилищ. Парни из «ремуги» (профтехучилища) выглядели взрослее и солиднее ровесников — у них уже сформировалась зрелая рабочая кость. Да они и неплохо зарабатывали на практиках, поэтому хорошо и со вкусом одевались в дорогие костюмы и выглядели вполне respectable мужиками.

А студенты выглядели как-то похудосочнее, похлипче, посубильнее — многие в очках и пуловарах, связанных бабушками или мамашами. На фоне крепких, уверенных в себе рабочих парней и пэтэушников студентки смотрелись блёкло и инфантильно. Зато гонору в студентах было немерено. Из-за спесивости и заносчивости у студентов-вузовцев нередко возникали конфликты с рабочей молодёжью. Девчонки, по большей части институтки и студентки медучилища, старались

выглядеть взрослее, старше своих лет и уже изощрённо пользовались маминой косметикой. Девушки отдавали явное предпочтение солидным парням из профтехучилищ и с заводских окраин. И это вызывало некоторую ревность у вузовских пижонов.

В самом клубе ссоры возникали редко — здесь постоянно дежурили дружинники-добровольцы из местного спортивного клуба «Буревестник», и поэтому тут всегда царили строгий порядок и дисциплина. А вот после окончания танцев наступало время разбирательства и выяснения отношений. Где-нибудь неподалёку от клуба конфликтующие стороны могли встретиться и разобраться друг с другом тихо и без свидетелей. Случались драки, но серьёзных эксцессов не совершалось, и до поножовщины дело никогда не доходило. Всё-таки молодые люди жили в одном городе, и чувство землячества всегда брало верх над личными обидами...

Роман немного скучал. Борик и Тимофей пару раз пробежали мимо с весело хохочущими девушками из медучилища и махали ему руками, то ли приглашая в свою компанию, то ли отмахиваясь от него.

А вечер был в самом разгаре. Музыканты отыграли уже половину репертуара: песни из «Весёлых ребят», из «Земля», из модного «Воскресения», исполнили песни Давида Тухманова, Вячеслава Добрынина, Юрия Антонова и перешли, наконец, на свои собственные произведения. Зазвучала красивая романтическая песня про розы.

Парни подходили к девушкам, слегка кланялись, приглашая на танец, и выводили, держа за руку, на середину зала. Площадка заполнялась танцующими парами. А кто не танцевал, те выходили в коридор — поболтать или наведаться в буфет.

Во время медленных танцев иллюминацию чуть-чуть гасили для придания большей интимности. В зале воцарялся волнующий полумрак, и только сцена с музыкантами ярко подсвечивалась боковыми прожекторами и рампой.

Пары медленно танцевали, потихоньку перетаптываясь и поворачиваясь вокруг общего центра тяжести. Некоторые особо умелые танцоры выделяли замысловатые па, напоминающие элементы вальса или танго.

Роман с любопытством разглядывал танцующих ребят, но самому танцевать не хотелось. С левой стороны подошла девушка и встала неподалёку, прислонившись к колонне. Роман невзначай бросил на неё взгляд, но в полумраке не смог хорошо разглядеть её. Что-то зацепило его внимание. Что-то заставило его через минуту снова бросить осторожный взгляд в её сторону.

К девушке подошёл какой-то парень и пригласил на танец, но она что-то ответила ему, улыбаясь и кивая головой. Парень рассмеялся и ушёл.

Роман попытался внимательнее рассмотреть незнакомку. Он полуобернулся, как бы осматривая зал, а сам исподволь стал разглядывать девушку.

Она была невысока и очень хорошо, женственно-пропорционально сложена. Облегающее тёмно-синее платье до колен подчёркивало крутые изгибы широких бёдер и тонкую талию. Прямые, чуть полные в икрах ноги в чёрных туфлях на невысоком каблуке стояли ровно и уверенно. Округлые и покатые плечи переходили в гибкие руки, прикрытые длинными рукавами с кружевными манжетами, а вокруг шеи обвивался изящно повязанный кружевной платок, прикрывающий круглый вырез платья на полной груди.

Незнакомка, то ли почувствовав взгляд, то ли просто поменяв положение головы, взглянула в сторону Романа, и он увидел её лицо — оно удивило простой русской красотой. Девушка была круглолица, с широким лбом, выразительными глазами, прямым носом и небольшими пухлыми губами над округлым подбородком. Её пышные тёмно-русые волосы были уложены в необычную причёску из толстой косы, навитой вокруг макушки в большую корону. Похожую укладку Роман видел в кино у некой аристократки, а наблюдать такое на голове у молодой девицы было совсем непривычно. Но эта причёска была ей к лицу: она придавала ей солидности, делала старше и выделяла среди других девушек с легкомысленными и вызывающе начёсанными вверх волосами, похожими на мохеровые шапки.

Роман отважился подойти поближе и сделал осторожный шаг в её сторону. Девушка заметила его движение и, поняв это как намерение ангажировать её на танец, слегка кивнула, как бы разрешая. Изобразить равнодушный вид или пройти мимо стало уже никак невозможно. Роман, в общем-то, не особо волнуясь (он давно уже преодолел свои детские стеснения), подошёл к девушке почти вплотную и сделал пригласительный поклон... Но всё-таки внезапно оробел... Сдавленным голосом с трудом произнёс: — Ра... Разрешите пригласить... на танец.

Девушка, не заметив или сделав вид, что не заметила смущения Романа, снова кивнула, уже утвердительно, соглашаясь. Она подала руку, и Роман, осторожно взяв её ладонь, почувствовал, какая она тёплая и упругая. Они вышли к тесной группе танцующих и пристроились с краешка, почти у самой эстрады. Она повернулась к Роману и положила руки ему на плечи. Он левой ладонью обхватил её за талию, а правой осторожно прикоснулся к спине, чуть пониже левой лопатки. Девушка улыбнулась, она поняла, что партнёр демонстрирует ей свою опытность в бальном искусстве, и плавно задвигалась вместе с ним в медленном танце, слегка раскачиваясь под музыку вправо и влево.

Постепенно инициатива в танце перешла к ней. Она уверенно вела Романа, передвигаясь небольшими шагами то назад, то вперёд, то делая повороты вместе с партнёром. Иногда она начинала сильно крутиться вправо и влево, плавно двигая бёдрами, иногда, отнимая руку от его плеча и отводя её в сторону, а потом — возвращая назад, она тоже демонстрировала своё умение красиво танцевать.

Роман послушно следовал за ней, и танец увлёк его. Левой рукой он чувствовал, какая у неё гибкая и тонкая талия, как упруго её круглое, вынесенное дугой от талии мускулистое бедро, как уверенно двигаются её крепкие ноги. Правая рука чувствовала изгибы её спины и ощущала движение мышц под её кожей. Он почувствовал необычную женскую мощь её тела. У других девушек, с которыми ему доводилось танцевать раньше или с которыми приходилось просто соприкасаться, он не чувствовал подобной женской силы. А сейчас, танцуя с незнакомкой, Роман попал под телесное обаяние этой девушки.

Роман танцевал и глядел немного поверх головы своей партнёрши, ему очень хотелось поглядеть ей в лицо, заглянуть в глаза, просто полюбоваться. Но он стеснялся. Снова, как и в детские годы, он чувствовал сильную робость и растерянность от такой близости с девушкой. А она, опустив глаза, смотрела вниз, как бы под ноги, и только изредка поднимая взгляд на партнёра.

Роман, преодолев смущение, поглядел наконец девушке в глаза. Она как будто ожидала этого и тоже глянула на него. Их взгляды встретились! Это произошло так внезапно и так согласованно, что оба невольно заулыбались, едва не рассмеявшись. И сразу же у Романа улетучились и робость, и смущение. Теперь он совершенно спокойно глядел на девушку, а она на него. Они внимательно разглядывали друг друга, слегка улыбаясь, и нисколько не стеснялись этого.

В какой-то момент Роман почувствовал, что вся окружающая его обстановка — зал, люди, музыканты вместе с музыкой — всё вдруг отодвинулось на второй план, отдалилось на некоторое расстояние, а он и танцующая с ним девушка остались совсем одни посреди небольшого круглого пространства, которое медленно вращалось вокруг них и создавало вихрь из серебристых блёсток и рубиновых световых бликов.

Роман увидел её глаза так близко-близко. И он увидел, что они синего, василькового цвета. А она глядела на него, почти не мигая, и её длинные чёрные ресницы едва вздрагивали от вспыхивающих бликов.

Девушка улыбалась, и он видел её белые ровные зубы. Она улыбалась, и на её выпуклых щеках появлялись чудные ямочки. Она слегка запрокидывала голову назад, и он видел её аккуратный округлый подбородок и нежную шею.

А ещё в момент, когда они нечаянно соприкоснулись и мимолётно прижались друг к другу, Роман почувствовал упругую выпуклость её груди, и неожиданно по его телу пробежал волнующий жар...

Электрогитара издала последний аккордный перебор струн и затихла. Музыка закончилась. Закончилась и волнующая близость танца.

Роман проводил девушку к тому месту, откуда пригласил на танец, и, не ожидая от самого себя такой дерзости, спросил:

— А можно, я приглашу вас... на следующий танец? И сердце его сжалось в ожидании ответа.

Другая девчонка наверняка начала бы кокетничать, изображая мнимые приличия, но эта, почти не раздумывая, без тени кокетства или напускной жеманности, просто взглянула на Романа с доверчивой теплотой и спокойно ответила:

— Пожалуйста... Пригласи.

Роман воодушевился. Он даже не стал отходить слишком далеко, а только огляделся по сторонам, пытаясь отыскать своих приятелей: Борика и Тимофея. Но никого из них не увидел. Вокруг — только танцующие незнакомые люди.

В этот момент Роман сообразил, что знакомство ещё не состоялось: он пока не знает имени девушки и сам не представился ей. Решив исправиться, тут же подошёл ближе к синеокой и, слегка поклонившись, уверенно произнёс:

— Извините, я забыл представиться. Меня зовут Романом. А как...

Роман на секунду запнулся, раздумывая, как же будет правильно обратиться — на «ты» или на «вы». Но решил, что сразу переходить на «ты» — слишком фамильярно, и поэтому спросил с подчеркнутой вежливостью:

— А как вас зовут?

Девушка с благодарностью приняла его вопрос, она почувствовала его искренность и поняла его такт и ответила мягким, очень певучим голосом:

— А меня зовут Галиной.

И Роман сразу же узнал её!

8.

В десять часов в больнице объявили ночной отбой, воцарилась тишина, и пациенты стали отходить ко сну. Роман вернулся в палату. Общий свет был погашен, и только тусклые ночные светильники на стенах едва освещали помещение.

Слева стояли две койки. На одной спала пожилая полная женщина. Днём она изредка вставала и выходила в коридор погулять, но никогда не разговаривала ни с Романом, ни с Галиной. Её поведение было немного странным, но в этом скорбном отделении многие люди вели себя либо странно, либо истерично. Эта больная вела себя странно, но тихо.

А рядом, на второй койке, лежала, никогда не вставая, седовласая старуха. Она появилась

в палате две недели назад и угасала очень быстро. Старая женщина постоянно находилась в бессознательном состоянии и изредка приходила в себя только в те моменты, когда санитарка подавала ей утку.

Соседки по палате не доставляли особых хлопот. К тому же они часто менялись. Галина лежала в этой палате уже три месяца и до сих пор была ещё жива. А на соседних койках за это время сменилось уже по три-четыре человека.

Роман хорошо оплачивал услуги медперсонала. За Галиной ухаживали тщательно: постоянно давали лекарства, вводили болеутоляющие, регулярно брали анализы, протирали тело и намазывали кремом от пролежней, да и просто проявляли внимательность и необходимую заботу. Может быть, как думал Роман, это и помогало до сих пор поддерживать жизнь в Галине.

Лечащий врач (хотя какой он лечащий?), доктор Бялый, когда Галину ещё только поместили в эту палату, со скорбным видом сообщил Роману, что его жена долго не проживёт. «Обычно у нас больше месяца здесь не лежат. Это палата — по сути хоспис, и сюда помещают безнадежно больных, умирающих, когда уже нет никакого смысла применять терапию. Здесь просто лежат и дожидаются летального исхода. И медицина совершенно бессильна. Мы можем только облегчать пациенту боли и страдания перед окончательным уходом», — с грустью поведал доктор Бялый. Но тут же деловым тоном он подробно объяснил Роману, во сколько будет обходиться пребывание Галины в этой палате и сколько будет стоить достойный уход за ней. Обходилось недешево: за лекарства — отдельная плата, за услуги — отдельно, за анализы — отдельно, персоналу — отдельно. И нужно было платить еженедельно.

За дополнительную плату Роману разрешали оставаться в больнице на ночь два раза в неделю. Хотя это и запрещалось строгими правилами, но за деньги, в виде исключения и из-за особо тяжёлого случая, ему позволяли ночные дежурства возле умирающей жены. Роман особо и не возмущался меркантильными порядками в больнице. Что поделать?! Эпоха бандитского капитализма окончательно похоронила понятие о бесплатной медицине, безвозмездном милосердии и простом сострадании — всё продавалось, и всё покупалось. Особенно совет медперсонала и врачебная этика.

Но Галина прожила не месяц. Она прожила больше отведённого ей срока. Когда пошёл уже второй месяц пребывания в больнице, доктор Бялый стал проявлять научно-медицинский интерес к больной женщине. У него затеплилась надежда обнаружить какой-нибудь редкий биологический феномен или, того паче, нащупать какие-нибудь новые методики лечения и продления жизни онкологических пациентов. Но к концу второго месяца

надежда у доктора Бялого снова пропала. Галина продолжала угасать, и ей становилось всё хуже и хуже. Просто у неё оказался очень крепкий организм, и болезнь убивала её не так быстро, как вначале предполагал врач. Он ошибся в прогнозе.

Но болезнь неуклонно прогрессировала, и патологические изменения в теле Галины носили уже необратимый характер.

Третий месяц был самым тяжёлым, и Роман думал, что потеряет Галину в любой момент. Она стала часто и подолгу терять сознание, у неё началось помутнение рассудка, и она с трудом узнавала Романа, детей и свою маму, навещавших её.

Роман регулярно приходил в больницу, почти ежедневно, только в воскресенье он позволял себе сделать передышку—ему нужно было отоспаться и набраться сил. Он находился в постоянном напряжении, и переносить душевные тяготы возле умирающей жены ему было всё тяжелее и тяжелее.

В какой-то момент состояние Галины стабилизировалось. Нет, она продолжала умирать и по-прежнему часто впадала в бессознательное состояние, но когда она приходила в себя, то у неё был совершенно ясный рассудок. В эти моменты Роман разговаривал с женой, рассказывал ей новости, а она живо интересовалась семьёй и задавала вопросы. Но всё-таки было видно, что день ото дня Галине становилось всё хуже и хуже...

Роман тихонько подошёл к кровати Галины и сел на свой табурет. Она лежала с закрытыми глазами и дышала ровно. Спала.

Роман научился безошибочно определять, когда Галина в беспамятстве, а когда просто спит. Иногда, после сильных доз снотворного и болеутоляющего, принятых на ночь, Галина спала спокойно и, проснувшись утром, чувствовала себя отдохнувшей; у неё иногда появлялось хорошее настроение. Но всё чаще и чаще вместо сна она впадала в продолжительную кому: замирала в оцепенении на несколько часов. Во время ночных дежурств, когда Роман видел у жены такое состояние, он уже начинал думать, что всё—это конец. Но стоявший на тумбочке контрольный прибор, тонким проводком соединённый с телом, показывал на экране индикатора редкий пульс и ещё более редкое дыхание—жива.

В те ночные часы, когда Галина спала спокойно, Роман иногда шёл в вестибюль, в тёмную нишу за высокими кудрявыми цветами в больших напольных горшках, и ложился там на жёсткую кушетку подремать до утра. Ему разрешали здесь спать—тоже за отдельную плату. Перед тем как заснуть, Роман обычно глядел на цветы и вспоминал самую первую встречу с Галочкой, которая произошла за огромным кустом фикуса в кабинете научно-технического отдела механического завода, на котором работал его отец.

Папа уже на пенсии, а Роман теперь работал на том же заводе и на той же должности, которую занимал когда-то его отец—главным инженером. И это не было случайностью или простым совпадением—это воплотилась мечта Петра Михайловича, Ромкиного отца.

Роман крепко засыпал и обычно не видел никаких снов.

Но сегодня ему спать совершенно не хотелось. И сидеть возле спящей жены тоже было невмоготу. Что-то внутри него тревожно вибрировало, а мысли улетали куда-то далеко-далеко отсюда. Роман боялся потерять сознание или неосторожным, шумным движением потревожить сон жены и других пациентов в палате.

Наручные часы показывали почти одинадцать. Роман поднялся, подошёл к окну и, раздвинув шторы и опершись на широкий подоконник, принялся разглядывать ночную картину. Бледный фонарь слабо освещал больничный двор, весь заросший акациями и кустами шиповника. Огромные тополя, высившиеся возле самых стен больницы, давно уже никто не обрезал, и мощные ветви почти касались окон, громко стуча в них при сильном ветре. Во дворе никого не было. Днём обычно пробегали сотрудники, медсёстры, врачи, студенты-практиканты. Но в больнице постепенно закрывались отделения за отделением, персонал сокращался, увольнялся, и некогда огромная семиэтажная больница всё больше пустела и становилась всё менее и менее людной.

Роману были хорошо известны проблемы городской больницы, потому что он побыл совсем недолго депутатом городской думы. Его выдвинули как честного и принципиального человека, и за него проголосовало большинство жителей заводского района. Но, проработав два года и столкнувшись с грязной политической кухней городских властей, с откровенным расхищением бюджетных средств, с криминальными схемами проталкивания нужных решений, с полным беззаконием и беспринципностью правящих чиновников, Роман понял, что не сможет долго находиться в этой душной и мерзкой среде. Он почувствовал, что либо должен сам стать конченным негодяем, либо его просто уничтожат за постоянное противодействие преступным деяниям правящей в городе клики.

И Роман добровольно сложил с себя полномочия депутата. Он выступил по местному телеканалу перед своими избирателями, попросил у них прощения и сказал, что у него нет больше сил бороться за их права. Избиратели поняли Романа Петровича и простили, так как очень уважали его.

9.

«Меня зовут Галочка. А тебя как?»—звонкий голос маленькой девочки иногда всплывал в памяти

Ромки. Он часто вспоминал ту далёкую, неожиданную встречу в кабинете за огромным кустом фикуса.

«Галочка»,— иногда повторял Ромка про себя. Ему казалось, что он чувствует вкус этого имени—шоколадный, ванильно-сладкий, с миндальной горчинкой.

«Галочка!»— Ромка непроизвольно произносил это имя, когда ему встречались девочки, чем-то похожие на ту маленькую приятельницу, с которой он познакомился так внезапно и так неожиданно расстался.

Если бы Галочка не уехала с родителями в далёкую Сибирь, то, как мечталось Ромке, он мог бы с ней встречаться часто-часто. Он бы провожал её после школы до дома, нёс её портфель, помогал бы делать уроки. Он ходил бы к ней на дни рождения, поздравлял с Восьмым марта и дарил красивые подарки. Они бы вместе играли, ходили в кино или гуляли в парке или ещё где-нибудь. Ему было бы очень приятно общаться с этой необычной девочкой, и он бы никогда с ней не расставался.

Ромка долго помнил её большие синие глаза, тёмно-русые косички и первые слова, сказанные ему: «Меня зовут Галочка!» И Ромке становилось тепло и приятно от этого воспоминания.

Но шли годы, менялся класс за классом. Ромка рос и взрослел. Понемногу он стал забывать, как выглядела Галочка, и помнил только её косички, синие глаза и голос: «Меня зовут Галочка».

Став юношей, Ромка уже дружил с некоторыми девочками не только из своего класса, но и из других коллективов—из спортивного клуба, в котором занимался много лет; из танцевального кружка, куда его заставила ходить мама; из городской комсомольской организации «Юность», куда его делегировали от школы. Он общался с девушками ровно, по-товарищески, не выражая особых симпатий, но и не сильно заносясь. Иногда он приглашал какую-нибудь приятельницу в кино, иногда в театр или на концерт. Но ни к кому из ровесниц особого внимания не проявлял, и постоянной подружки у него не было. Да и некогда было Роману водить шуры-муры. Он учился, занимался спортом, ходил на танцы и вёл общественную работу в городском комсомольском активе. Время его было расписано по часам и минутам.

Но иногда в каком-нибудь фильме встречалась актриса, смутно похожая на тот образ девочки из детства, и это внезапно вызывало у Романа сильное волнение. Он начинал испытывать сердечный трепет и не находил себе места. Порой он подолгу гулял по улицам города в странной надежде случайно встретить ту, уже выросшую и ставшую взрослой, Галочку.

Затем Роман успокаивался. Он не мог себе ясно представить, как бы выглядела повзрослевшая Галочка. Мысленно он воображал её, пытался

придумать—и не мог. То она представлялась ему похожей на актрису Жанну Прохоренко из фильма «Баллада о солдате», то почему-то виделась как птица Гамаюн с лицом певицы Валентины Толкуновой. Но все эти образы были надуманными и призрачными и тотчас рассыпались от соприкосновения с повседневной скоротечностью реального мира...

И вот случилась эта неожиданная встреча на танцевальном вечере в клубе железнодорожников! Это была она—та самая девочка за фикусом, которая искала сердце у поролонового медвежонка!

«Галочка!»—едва не вырвалось у Романа. И сильная горячая волна накатила на него, ударила в грудь, бешено заколотив сердце, поднялась вверх, затуманив взгляд и закружив голову. Роман резко изменился в лице, и Галина испугалась: «Что с ним?!» — Тебе плохо?—взволнованно спросила девушка.

Роман помотал головой. Но Галя пристально глядела на него и готова была тотчас прийти на помощь, если бы с ним случился обморок.

— Ты выпил?— снова спросила Галина и тут же смутилась от своего бестактного вопроса.

Она же танцевала с ним, была рядом, она бы почувствовала запах спиртного. Но от Романа пахло только чистым мужским телом и одеколоном «Шипр».

«Что же с ним такое?— с тревогой думала Галина, всматриваясь в его лицо.—Он явно не в себе. Сейчас ещё потеряет сознание».

Но Роман не потерял сознание, не упал в обморок, устоял и быстро пришёл в себя. Он не ожидал от себя такой бурной реакции и такого внезапного волнения, когда узнал в новой знакомой, этой прекрасной девушке, ту свою детскую подружку Галочку, о которой так часто вспоминал и которая так долго волновала его воображение.

Заиграла музыка, и зал оживился, задвигался, затанцевал. Роману очень хотелось снова пригласить Гаю на танец. Но от одной мысли, что он вновь встанет к ней так близко-близко и прикоснётся к её упругому, красивому и женственному телу, Роман почувствовал уже не горячую волну, а сильную дрожь, как будто включили вибротамбурин и тряска от неё охватила его с головы до пят. Теперь он уже долго не мог справиться с собой—стоял, волновался и всё не решался пригласить Галину на танец. И эта пауза мучительно затягивалась и начинала казаться Роману совершенно непреодолимой.

Но девушка снова пришла ему на помощь. — Слушай,— совершенно спокойно и непринуждённо произнесла она,— мне пора домой. Проводи меня, пожалуйста!

Для Романа это был спасительный и очень деликатный выход из томительного конфуза, ему срочно нужно было на свежий воздух—немного

остыть и успокоить волнение. И представился такой совершенно счастливый случай проводить Галину до дома, познакомиться с ней поближе и разузнать о её жизни. Ромку наконец отпустило, и он почувствовал, что теперь почти счастлив.

Он с радостью принял её обращение на «ты» как неожиданное и дружеское расположение к себе. Галина сама предложила проводить её, и это было одновременно и деликатной просьбой, и приглашением к продолжению знакомства.

А может быть, ей просто хотелось выручить его из неловкого замешательства? Но зачем ей надо возиться с едва знакомым парнем?! А может, она предложила проводить её совсем не просто так и вовсе не случайно знакомому? Может, она тоже узнала его, но пока не подала вида?.. Мысли снова завихрились в голове у Романа.

Они вместе вышли из танцевального зала и зашагали по парадной лестнице вниз, на первый этаж. Одевшись в гардеробе, вышли на улицу. Было ещё не поздно—только половина девятого.

Стояла чудная зимняя погода: с пушистыми снежинками, тихая и не морозная. Такая только и случается в предновогодние дни—обещая неожиданное чудо и нечаянное счастье. Рома согнул руку в локте, приглашая даму, и Галя охотно взялась за неё.

Они шли не спеша по вечерней заснеженной улице, ярко освещённой высокими фонарями. Галочка была одета в белое пальто с пушистым песчовым воротником, на ней была вязаная белая шапочка и белые варежки, а на ногах—белые сапожки на невысоком каблуке.

— Ты похожа на Снегурочку—вся такая беленькая!—произнёс Рома, очарованный девушкой.

— А ты—на лётчика!—ответила она улыбувшись.

Роман был одет в кожаную куртку на меху, а на голове круглая шапка-ушанка из кожи—это действительно придавало ему сходство с военным лётчиком.

— Это батя привёз мне куртку из Финляндии,—произнёс Ромка и тут же спохватился: повёл себя как мальчишка, хвастающийся своими обновками.

— А кто он у тебя?—спросила Галя.

— Он работает на механическом заводе...—ответил Роман и добавил:—Инженером.

Почему-то он решил скрыть, что его отец уже много лет бесменно работает главным инженером на этом знаменитом на всю страну заводе. Просто решил больше не хвастаться перед девушкой, чтобы не смущать её.

— А мама у тебя кто?—снова непринуждённо поинтересовалась Галя.

Она спрашивала так, что не ответить было нельзя.

— Мама сейчас работает технологом на «Химволокне». А раньше преподавала материаловедение в индустриально-технологическом институте,—ответил Роман и собрался рассказать о матери

ещё, но передумал—для начала вполне достаточно и этого.

— А где ты учишься?—последовал новый вопрос.— В индустриально-технологическом...— Роман хотел пояснить особенности своей будущей специальности, но снова сдержался, только добавил:— На инженера-механика.

— Как интересно!—с искренним восхищением произнесла Галочка.

Роман по-прежнему испытывал приятное волнение оттого, что шёл рядом с такой необыкновенной, воплощённой из детской мечты девушкой. Но одновременно он ощущал в себе и всё возрастающую уверенность. Он чувствовал её доверие и тайную благожелательность к нему, чувствовал это неосознанно и необъяснимо.

— А кто твои родители?—теперь Роман решил расспросить свою милую спутницу.

Он нетерпеливо ждал подтверждения, что она и есть именно та самая Галочка, которую бабушка в тот далёкий и счастливый день привела с собой в научно-технический отдел механического завода, где он и увидел её впервые в жизни.

Галя не торопилась с ответом. Она, не сбавляя шага, подняла лицо кверху, рассматривая покрытые инеем деревья, и иногда украдкой поглядывала на Ромку. А он, боковым зрением замечая её взгляды, смотрел только вперёд, чувствуя, как приятен её потаённый интерес к нему.

— Мои родители—строители!—после долгой паузы нараспев произнесла Галя и легко рассмеялась.— В рифму получилось: родители—строители!

Роман напрягся—пошла правильная информация. Ему не терпелось расспросить про бабушку, но он сдерживал своё пылкое любопытство.

— Мы много лет прожили в Сибири. Родители построили огромный металлургический комбинат. А потом ещё завод электроприборов, а потом ещё завод медпрепаратов. Да они вообще понастроили много разных заводов!—начала рассказывать Галя.

Она чувствовала необыкновенный интерес Романа к себе и неторопливо повела повествование о своей жизни:

— После окончания школы я вернулась сюда учиться, поступила в университет и теперь живу вместе с бабушкой... А родители с моим младшим братом остались там—в Сибири.

Ребята шагали по широкой улице вдоль нарядно сверкающих новогодними гирляндами зданий, и редкие прохожие попадались навстречу. Роман ещё не знал, где живёт Галя и в какую сторону им нужно направляться потом. Они подошли к перекрёстку, их улица пересекала центральный проспект города, и на нём, как всегда, было много прохожих и непрерывно сновал автотранспорт, выдыхая клубящиеся облака выхлопов. Слева, возле крупного универмага, находилась остановка, и Рома наконец спросил свою спутницу:

— Ты где живёшь?

Галина посмотрела на свои наручные часы и произнесла без раздумий:

— Вообще-то я живу неподалёку. Всего пара остановок. И если ты не против, то давай пройдемся пешком. Ещё не поздно. И погода такая замечательная! А ты не замёрз?

— Нисколько! Давай пройдемся,—охотно согласился Роман.

Ему хотелось подольше побыть с Галей. И он надеялся наконец услышать от неё подтверждение того, что она та самая Галочка... Из его прошлого.

Вроде бы Роман уже и не сомневался в этом, и был почти убеждён, что это именно она—та девочка с медвежонком. Но почему же до сих пор Галя не призналась в том, что тоже узнала его? А может быть, она и не помнила его вовсе? Никогда не помнила?!

Мимолётная встреча в детстве. Маленькая пятилетняя девочка с косичками и пухлыми щёчками—что она могла запомнить? Какого-то случайного мальчика? А после—почти полтора десятилетия разлуки. Теперь они уже взрослые и совсем другие люди. И что значит для них та встреча в далёком детстве?

Роман вдруг слегка огорчился. Ему так хотелось, чтобы она вспомнила его, признала, радостно бы воскликнула от удивления и такой неожиданной встречи через столько лет. Но Галя молчала. Или только делала вид, что не узнала его? Но тогда почему Роман чувствовал от неё такую тёплую волну доверия и симпатии к себе? Да-да, он чувствовал, что нравится девушке, чувствовал её интерес к себе, ловил её тайные взгляды и ощущал какой-то внутренний звук: то ли аккорды полифонической музыки, то ли мажорный женский вокал. И Роману от всего этого было восхитительно—в нём просыпалось сильное мужское начало, но не то, животное-инстинктивное, слепо влекомое к женскому телу, а мужское начало благородного защитника и великодушного покровителя. Он наполнялся внутренней силой и самоуверенностью и уже решил для себя, что никогда, никогда больше не расстанется с этой чудесной девушкой.

Галина. Галя. Галочка!

— Что?!—спросила девушка и поглядела на него долгим и внимательным взглядом.

Роман непроизвольно выкликнул её имя вслух. Именно то имя, которое он раньше повторял много раз: и в детстве, и в юношестве, и в пору возмужания.

Неужели она услышала?!

Через два квартала они подошли к её дому—большому пятиэтажному зданию сталинской эпохи. Зашли в просторный двор—вот и её подъезд. И тут Роман снова сильно заволновался. Ему почему-то показалось, что он видит Галочку в последний раз. Неожиданно в голову влетела шальная

и страшная мысль, что сейчас он попрощается с ней—и она уйдёт от него, как и в тот раз, надолго, быть может, навсегда. И он снова потеряет её!..

Кровь, яростно пульсируя, прилила к голове. Роман спросил твёрдым, почти звенящим голосом: — Мы ещё увидимся с тобой?—и замер в ожидании ответа.

Он пристально и напряжённо смотрел ей в лицо, пытаясь заглянуть в глаза. Но её глаза были опущены, и длинные тёмные ресницы слегка подрагивали.

Она медленно подняла взгляд и очень странно посмотрела на него. Как будто хотела что-то сказать, но не могла—сдерживалась или стеснялась. И он увидал в этих больших пронзительно синих васильковых глазах все промелькнувшие перед ней воспоминания.

Да, это она! Галочка! И она тоже узнала его. Она помнила его! Она никогда не забывала про него! Но вслух она так ничего и не сказала...

Она с надеждой и тревогой смотрела ему в лицо, как будто ожидая от него чего-то большего, чем простого вопроса. На её глазах вдруг показались крупные слёзы, но она сморгнула, и они тут же скатились по щекам. Наконец она произнесла тихо, почти шёпотом, но очень-очень ясно:

— Конечно, Рома. Мы обязательно увидимся.

Роман возрадовался. Напряжение улетучилось, и страх снова потерять Галочку совершенно исчез. Он неотрывно смотрел ей в глаза и не мог отвести взгляда. А она, засмутившись, опустила ресницы. Так они ещё некоторое время стояли друг против друга и, держась за руки, молчали.

Шли секунды, минуты, а Роман всё не решался отпустить её. Он не знал, что нужно сказать ей на прощание и как поступить. Можно ли поцеловать её в щёку? А если она обидится или рассердится?

— Когда?—тихо спросил Ромка.—Когда мы встретимся снова?

У него пересохло от волнения во рту, и снова запульсировал страх потери.

Галина долго молчала, не поднимая взгляда, и Роман чувствовал, что она молчит неспроста—в ней тоже кипят бурные переживания. Только он всё гадал: переживает ли она этот момент как случайную встречу старых друзей из детства—или как новую счастливую встречу совершенно незнакомых доньне, но понравившихся друг другу молодых людей?

Галя положила руку в белой варежке Ромке на грудь и, подержав, ласково произнесла:

— Приходи завтра на исторический факультет... университета... На Можайской улице. Знаешь?

Роман кивнул:

— Знаю.

— Приходи к двум. У меня закончатся занятия, и мы сможем немного погулять. Или, если хочешь,

сходим в кино,—наконец Галя снова подняла глаза и улыбнулась краешками губ.—Всё. Мне пора!

И, развернувшись, она торопливо зашагала к своему подъезду.

Она ступала белыми сапожками по скрипучему снегу, шаг за шагом приближаясь к массивным деревянным дверям. Роман стоял на месте и глядел ей вслед, любуясь её плавной походкой; её, во всём белом, женственной фигурой и чувствовал необычайное восхищение от движений её ног, бёдер, рук, покачивания головы. Он провожал её пристальным взглядом, необъяснимо волнуясь, и понимал, что должен обязательно сказать ей что-то очень важное перед расставанием.

Роман вспомнил, как в тот раз, когда он познакомился с маленькой Галочкой и когда они уходили вместе с отцом из отдела, он хотел оглянуться, посмотреть на неё, помахать ей рукой и крикнуть: «До свидания!» Но не сделал этого, потому что тогда он, маленький стеснительный мальчик, повёл себя нелепо и глупо. И Ромка потом долго переживал и корил себя за то, что так и не сумел перебороть в себе то ли робость, то ли вредность, то ли какой-то детский комплекс и так и не попрощался тогда с Галочкой.

И вот теперь она, Галочка, после новой, неожиданной и чудесной встречи, снова уходила прочь с какой-то недосказанностью, с не возвращённым в её адрес словом. Роман боролся с собой, со своей нерешительностью, своим стеснением и потаённым страхом.

— Галочка! — неожиданно выкрикнул Ромка, и это имя как будто вырвалось из его сердца.

Она моментально обернулась, как будто бы и ждала этого. Роман шагнул к ней. Она повернулась ему навстречу. Он сделал шаг, и она шагнула к нему. Он сделал ещё шаг, и она — шаг. Ромка кинулся к ней, и она побежала к нему. Они обнялись. И он поцеловал её в прохладную щёку, потом в горячие губы, ощутив вкус шоколада, ванильной сладости и горького миндаля.

10.

Галина почувствовала тошноту и открыла глаза. В палате стоял бледный полумрак.

Роман сидел рядом на табуретке, ссутулившись, опустив голову и скрестив руки на груди,—вроде бы дремал.

«Ему так неудобно!» — всякий раз думала Галина, глядя на мужа, дежурившего по ночам возле неё. И она ненавидела эту табуретку. Она уговаривала Романа поменять её, попросить у врача мягкий стул со спинкой, на котором было бы удобно сидеть вечерами и дежурить ночи напролёт. Но Роман отказывался, говорил, что табуретка удобнее, что именно на ней он не заснёт. А на стуле будет постоянно дремать и сонным падать с него на пол.

— Я ведь не отдыхать сюда прихожу! — всякий раз пояснял Роман. — А побыть рядом с тобой. Поглядеть на тебя. Табуретка как раз подходит для моих всенощных бдений.

И больше ни в какую не жалел обсуждать эту тему. Он всегда сидел возле жены только на маленькой металлической табуретке, которую днём задвигали под кровать.

— Рома! — тихо позвала Галина.

Роман, видимо, приходя в себя от дрёмы, помедлив, поднял на неё взгляд, и она поняла по его постаревшему, серому и смятому лицу, как сильно он устал. И несказанная жалость охватила её.

Галина сильно переживала за мужа, её терзала совесть из-за того, что она невольно стала причиной его длительных мучений. Она чувствовала, что он не только душевно страдает из-за её болезни и неумолимо приближающегося конца, но она ещё остро ощущала его накопившуюся колоссальную усталость от этих почти ежедневных посещений больницы и ночных дежурств возле неё. Галине было стыдно за это и больно.

Она не раз просила, уговаривала, умоляла его не навещать её так часто. Она уверяла, что ей вполне достаточно одного раза в неделю встречаться с ним. Лучше бы он чаще отдыхал дома и больше уделял внимания детям и своей работе. Но Роман отпирался, отнекивался, спорил с ней и продолжал по-прежнему навещать её почти каждый день. Галина жалела мужа, переживала за него и, понимая, что он не отступится и будет с ней рядом до конца, торопилась поскорее уйти из жизни, чтобы не обременять близких, чтобы дать наконец ему отдых.

— Чего? — так же тихо, почти шёпотом, отозвался Роман.

Галина почувствовала ком в горле — жалость к мужу сжимала её сердце:

— Ромочка... Прости меня, пожалуйста...

— За что? — Роман пристально глядел на жену, совсем близко наклонившись к её лицу.

— Прости... что измучила тебя... — горячие слёзы потекли по щекам Галины.

Она почувствовала на щеке его ладонь, большую и тёплую, Роман нежно гладил её по лицу, вытирая слёзы.

— Я потерплю. Я готов сидеть рядом с тобой до конца своей жизни... Только не покидай меня! — теперь уже и в голосе Романа слышались пронзительные нотки жалости и сочувствия к жене. — Если бы я могла... — Галина глубоко вздохнула и почувствовала, что силы быстро покидают её.

Она приготовилась к последним мгновениям своей жизни...

Галина уже давно не боялась смерти.

В первые месяцы болезни сама мысль о скором завершении её жизни приводила Галину в тихую

ярость. Она готова была кричать, биться в истерике, кататься по полу, грызть дерево, но не могла этого делать на людях, в присутствии родственников: матери, мужа, дочери и сына. Нечеловеческим усилием она сдерживалась, сжимая зубы и закусывая губы. Она пряталась у себя в комнате, или уходила в гости к каким-нибудь не особо близким знакомым, или просто подолгу гуляла по улицам города, заглядывая в каждый магазин, пытаясь отвлечься. Галина старалась держаться мужественно и ни разу не сорвалась в истерические крики на глазах у родственников и тем более при посторонних.

Поначалу у неё не было мучительных болей в животе. Одолевала только страшная и навязчивая мысль, которая ритмично колотилась в голове и гулким эхом звенела всего лишь одной фразой: «Скоро умрёшь! Скоро умрёшь! Скоро умрёшь!»

Принять такой приговор и окончательно смириться с тем, что твои дни сочтены,—это страшное испытание для каждого человека. Особенно страшно принять это молодой красивой женщине, матери двоих детей, любящей и любимой женщине, которой не исполнилось ещё и сорока лет!

«За что, Господи?!» — иногда вопрошала Галина, поднимая глаза к небу, и пыталась уловить ответ Того, Кто назначил ей это суровое испытание. Но и небеса, и Тот, на Кого она уповала, молчали, и Галина чувствовала страшное одиночество и опустошение.

Но рядом с ней был любимый муж Роман. Он был единственным, кто не покидал её ни в мыслях, ни в чувствах, ни в повседневном окружении. Галина никогда ещё не чувствовала Романа таким близким, такой неотъемлемой частью своей жизни, практически частью себя самой, частью своего тела и частицей своей души. Роман был всегда рядом с ней, в ней, вокруг неё. Он был частью её мира, её жизни, её личности. Галина просто не могла полностью выразить Роману все свои чувства, не могла передать ему, как он важен для неё, что он значит для неё в эти трагические дни, когда болезнь начала стремительно наступать.

В какой-то момент Галина вдруг перестала бояться смерти. Она приняла эту неотвратимую неизбежность и немного успокоилась. Ей только было очень жалко своих детей — они ещё не успели повзрослеть. Леночке, старшенькой, ещё только шестнадцать. А Сашеньке, сыночку, всего четырнадцать.

Галине так хотелось погулять на свадьбах и дочери, и сына, очень хотелось дожидаться и поначить внуков, хотелось дожить до старости, чтобы просто сидеть в уютном кресле и вязать на спицах шерстяные носки для подрастающих внучат. И Галине больше всего было больно из-за того, что она вынужденно оставляет детей в несовершеннолетия, из-за трагической невозможности

стать бабушкой, из-за того, что её Ромка останется совсем один...

А потом начались постоянные боли — нестерпимое жжение в области живота. И размышления о надвигающейся смерти ушли на второй план. Теперь всё больше занимали мысли о терпении и преодолении боли. А когда терпеть боль стало невозможно, Галина согласилась лечь в больницу.

В больнице ей постоянно делали уколы и давали обезболивающие препараты: терпеть боль стало легче, но начала угасать личность. Галина до поры вроде бы понимала, что с ней происходит: она чувствовала, как поражаются некоторые участки мозга, отравленные лекарствами, как ей становится всё труднее и труднее разговаривать и связывать мысли и слова воедино, и она старалась общаться несложными фразами, старалась формулировать краткие вопросы, чтобы получать на них и простые ответы.

А ещё Галина начала чувствовать присутствие другой реальности, другого мира. В те минуты, когда теряла сознание, она ощущала, что попадает в какое-то отдалённое место — за пределы больничной палаты, в потустороннее пространство, в иное измерение. Она воспринимала этот уход из реальности как мгновенное выключение света и погружение в крошечную тьму, а когда он снова включался, то она уже видела себя как бы со стороны, сидящей в какой-то совершенно пустой белой комнате в напряжённом ожидании чего-то неведомого. Иногда в этой белой комнате она слышала далёкие голоса мужа, детей, матери. Иногда её гулко окликал врач или кто-то ещё из медперсонала. Внезапно свет пропадал, и Галина как будто выныривала снова в больничной палате и с удивлением глядела то на Романа, обычно сидевшего рядом с ней, то на доктора Бялого, тревожно всматривающегося в её глаза, то на медсестру, возящуюся с капельницей или шприцом.

Галина воспринимала своё возвращение в реальный мир как очередной подарок Всевышнего, позволявшего ей побыть ещё немного с дорогим человеком. Этот мир, наполненный непрекращающейся физической и душевной болью, пронизанный острым сопереживанием к близким людям, — этот мир для неё был освещён только присутствием одного человека — любимого мужа. — Ромка! — произносила Галина горячим шёпотом.

И на её губах появлялся вкус мандарина и вишневого сока — вкус её любви к Роману...

11.

Галина пришла в себя и в первые минуты после возвращения в сознание не понимала, где она находится, сколько сейчас времени и вообще — какое сегодня число и год. Но она, глянув вверх, увидела торчащий из-за светильника букет ярко-красных роз и сразу же всё вспомнила.

Сегодня особая дата—семнадцать лет со дня их свадьбы. Роман всегда в этот день покупал ей букет алых роз. Иногда их было пять, а иногда семь—Роман не придавал этому особого значения. Но Галина всегда загадывала—сколько роз окажется в букете. Если пять—то просто любит. Если семь—любит очень крепко.

А сколько цветов принёс Ромка сегодня? Галина принялась считать. Она сбивалась, путалась, но всё же справилась—оказалось девять роз!

«Значит, любит до самой смерти!»—подумала Галя и, повернув голову, с нежностью поглядела на мужа.

А он сидел рядом, уставший, бледный, и наблюдал за ней, не отрывая глаз. Он глядел на неё с той же теплотой, как и в тот раз, когда впервые пошёл провожать её до дома и когда они, почувствовав внутри одновременный порыв, бросились друг другу в объятия и с тех пор больше никогда не разлучались...

Галина почувствовала теплоту, которая передавалась ей от сидящего рядом мужа, и ей стало спокойно. Она закрыла глаза и теперь уже явственно ощутила приближение смерти. Она была рядом и совсем не страшная. Галя облегчённо вздохнула.

«Давай поскорее!—взмолилась она, обращаясь к нетеропливой смерти.—Я так измучилась, что жду тебя с нетерпением—как избавления!»

Но смерть молчала и не приближалась, как будто играя с ней или чего-то выжидая.

«Галочка!»—послышалось в голове бедной женщины. Она приоткрыла глаза и глянула на мужа, но Роман сидел, молча поникнув головой, и как будто задремал.

Галина снова закрыла глаза и стала погружаться в небытие. Она опять ощутила рядом с собой безмолвную смерть, которая не решалась приблизиться к ней.

«Галочка!»—снова донеслось до неё.

И она узнала: это был голос Романа. Только он звучал в её голове со всех сторон объёмным и звонким эхом, отражённым от невидимых сферических стен.

«Галочка!»—голос Романа немного искажался лёгкими радиопомехами и тихим эфирным пересвистом, как будто проходил через какое-то электронное переговорное устройство. И она поняла: это был внутренний, телепатический голос Романа, который она теперь могла слышать.

«Ромочка!—откликнулась Галина, и язык её даже не пошевелился. Она произнесла имя мужа так же беззвучно, внутренним голосом, как и он взывал к ней.—Ромочка, ты слышишь меня?»

«Да, слышу!»—донёсся обрадованный голос Романа.—Я слышу тебя, дорогая».

Галина почувствовала радость и необычайную лёгкость. Она ни секунды не верила, что у неё началась предсмертная галлюцинация. Она опять

приоткрыла глаза—теперь Роман уже внимательно и ласково глядел на неё и держал свою тёплую ладонь на её руке.

«Рома?!»—беззвучно позвала Галина. Её губы не шевелились.

«Я здесь!»—так же беззвучно, не размыкая губ, ответил Роман и улыбнулся.

Нет, это не была галлюцинация умирающего мозга. Смерть, прежде чем завладеть жизнью человека, открывала ему напоследок его сверх-возможности.

«Вот и хорошо!»—донеслись до Галины слова мужа.

«Ромочка, я умираю наконец»,—почти с радостью произнесла Галина.

«Галочка!»—голос Романа завихрился в пространстве.—Мне без тебя будет очень плохо!»

«Но что я могу поделать? Так распорядился Господь. Я со смирением принимаю Его волю!»—Галя почувствовала приятный поток тепла, разлившийся по всему телу. Это наступила её готовность встретиться с Создателем.

«Только прошу тебя, не оставляй деток. Я так переживаю за них!»—Галя ощущала в голове вибрации своих непроизнесённых слов.

«Пока я буду жив, я не оставлю наших детей!»

Немного постояла тишина, и снова, как из радиоприёмника, донеслись взвихренные слова Романа:

«Скажи мне, пожалуйста, тогда, в тот вечер, когда мы с тобой встретились на танцах и я впервые проводил тебя до дома, ты тогда узнала меня? Я ведь никогда тебя не спрашивал об этом. Наверное, стеснялся. Но мне казалось, что ты меня всё-таки узнала. И ты бросилась тогда ко мне в объятия, потому что пятнадцать лет ждала этого. Скажи, ты узнала меня в тот день?»

«Ну конечно же!»—откликнулась Галина.—Узнала сразу, как только увидела тебя в танцевальном зале. Я специально встала рядом с тобой возле колонны, чтобы ты обратил на меня внимание. А ты стоял такой гордый и независимый. И я гадала, подойдёшь ты ко мне или нет. И ты подошёл. Ты не мог не подойти!»—голос Галины зазвучал пронзительно, как скрипичная струна.

«А если бы я не подошёл?»—голос Романа дрожал и начал звучать подобно саксофону.—Я страшно стеснялся, волновался—и я мог бы не подойти к тебе... И мне даже страшно представить себе, что бы случилось со мной, с тобой, с нами, если бы мы не встретились снова».

«Мы не могли не встретиться!»

«Почему?! Любая случайность—и мы разминутись бы, прошли бы мимо. Мы могли никогда не встретиться!»—с сильной вибрацией прозвучал голос Романа.

«Ромка! Ты так и не понял, что наша встреча—это судьба. Мы изначально были предназначены

друг для друга, и мы должны были неминуемо встретиться и никогда не расставаться!» — Галина уже почти пела, и на фоне её голоса нарастало скрипичное стаккато.

«Значит, та встреча в кабинете у твоей бабушки была не случайной? Значит, ты ждала меня?» — голос Романа трепетал и переходил в духовой трёхзвучный мажорный аккорд.

«Да. Да! Я ждала тебя! Ты заглянул за цветок, в мой уголок, а я уже ждала тебя. Я увидела тебя и поняла, что мы с тобой всегда будем вместе».

«А когда ты почувствовала это? В какой момент?» — волнуясь, спросил Роман голосом, упавшим в рококощие виолончельные басы.

«Я приложила ухо к твоей груди, услышала стук твоего сердца, и мне в ответ стукнуло в грудь: ты мой! Ты мой! Я, пятилетняя девочка, полюбила тебя сразу, но я тогда ещё не знала, что это и есть любовь. Я почувствовала в тот момент, когда прикасалась к твоей груди, что между нами возникли незримые, но очень прочные узы. А ты почувствовал это?»

«Да, конечно! Именно в тот момент я почувствовал, что в меня вошёл яркий луч и осветил изнутри — он очень сильно изменил меня. Я запомнил тот день навсегда. Я вспоминал тебя долгие годы, и воспоминание о тебе согревало и моё детство, и мою юность. Я надеялся когда-нибудь встретить тебя, но порой уже и не чаял этого... — голос Романа пел, переходя в органную полифонию. — Если это Всевышний соединил наши судьбы ещё в детские годы, там, за старым фикусом, где ты искала сердце у поролонового медвежонка, то я уверен, что и наша новая встреча там, на танцах в клубе, была предопределена свыше. Это наша судьба!»

«Я всегда любила тебя!.. Любила!..» — голос Галины улетал вверх, постепенно превращаясь в крик чайки.

«Я всегда любил тебя!..» — голос Романа тоже улетал вверх и превращался в пронзительные звоны тысячи серебряных колокольчиков.

«Ромочка-а-а...» — голос Галины растворился звонким эхом в гулком пространстве.

«Галочка...» — голос Романа внезапно затих, и только звук, похожий на шум морского прибоя и свист ветра, ещё некоторое время гулял по пространству больничной палаты, колыхая его эфирными волнами. Свет медленно угас, всё погрузилось в темноту, и все звуки окончательно стихли, оставив только вечную тишину.

12.

Галина проснулась и открыла глаза. Палата была залита утренним солнечным светом.

Галина повернула голову и осмотрелась. Роман по-прежнему неподвижно сидел на табуретке, ссутулившись, скрестив руки и склонив голову на грудь — как будто бы спал.

«Пусть поспит!» — с нежностью подумала Галина о муже и неожиданно для себя поднялась и села на кровати. Странное дело, но внутри, в животе, там, где раньше непрестанно жгло, — больше ничего не болело.

«Может быть, я уже умерла?» — подумала Галина с каким-то облегчением.

Она ощупала живот, грудь, голову — это была плоть её физического тела. Значит, жива?! Она опустила ноги с кровати и медленно встала. Галя не поднималась с постели больше месяца, потому что на это не было сил. А сейчас она встала легко и без посторонней помощи.

Соседки по палате спокойно лежали на своих койках и тоже вроде бы спали. Полная — тяжело дышала и едва слышно постанывала. А старуха — лежала недвижно, и только вздрагивающие руки свидетельствовали, что она ещё жива.

Осторожно, чтобы не задеть спавшего мужа, Галина босиком, в одной больничной рубашке до колен, прошла в угол к холодильнику — хотелось пить и есть.

Она открыла холодильник: на её персональной полке лежали бананы и стояли две вскрытые коробки с соком. Она достала пару бананов и взяла яблочный сок. Взяв чистый стакан со стола, тонкой струйкой налила доверху янтарный напиток. Почистила сразу оба банана и жадно съела, запивая соком. Приятное ощущение разлилось по телу.

Галина потянулась — никакой боли! Раньше при малейшем движении ей становилось нестерпимо больно, но сейчас она ничего не почувствовала. Вдруг появилось ощущение, что она наконец проснулась после тяжёлого и кошмарного сна, длившегося больше года, и теперь она снова стала прежней. Она снова почувствовала своё тело — сильное, упругое и здоровое.

«Да что же со мной происходит?!» — без особого волнения подумала Галина и подошла к зеркалу возле двери.

В зеркале неожиданно для себя она увидела не измождённую пациентку, высохшую, со страшным костистым и опавшим лицом. Нет, она увидела красивую, круглолицую и синеокою женщину с румяными щеками и пышными тёмно-русскими волосами. Как будто и не было целого года тяжёлой, пожирающей болезни и затянувшегося в мучительных приступах умирания. Это была она — прежняя Галина! От неизлечимой болезни не осталось и следа.

«Наверное, всё-таки я умерла! — снова подумала Галина и развеселилась от этой совсем не страшной мысли. — Или сошла с ума». Эта мысль развеселила её ещё больше.

Дверь неожиданно распахнулась, и в палату вошёл доктор Бялый вместе со старшей медицинской сестрой. Врач выглядел свежим и бодрым.

— Всю ночь они шумели в палате!—недовольно проворчала медсестра, и на её широкоскулом лице играло нервное любопытство.

Врач, увидав стоявшую перед ним Галину, внезапно вздрогнул, побледнел и, схватившись ладонями за лицо, едва не закричал. А медсестра, уставившись на пациентку расширившимися глазами, испуганно перекрестилась.

«Ну конечно, они увидели смерть!—глядя на оторопевших медиков, подумала Галина.—Или я стала привидением?!»

Галину уже ничто не волновало и не пугало. — Что с вами произошло?!—придя в себя, вскричал врач.—Вы что, выпили живой воды?

— Нет... только яблочный сок...— растерянно пробормотала Галина, и в её голове промелькнуло: «Значит, я не умерла!»

Доктор Бялый подошёл к Галине и внимательно рассмотрел её.

— Сядьте!—приказал он, показывая рукой на стоявший возле двери стул.

Галина послушно села. Врач осторожно взял её руку и стал прощупывать пульс, затем приложил к её груди стетоскоп и долго прислушивался. Старшая медсестра быстро выбежала из палаты и через минуту вернулась с врачами из онкологического отделения. Все вместе они принялись осматривать и ощупывать растерянную женщину, не до конца понимавшую ситуацию.

— Удивительно! Нет никаких признаков болезни! Но это невозможно!—взволнованно произнёс доктор Бялый, и врачи с глупым видом закивали головами, соглашаясь с ним.—Нужна полная диагностика и все анализы. Троекратно!

Врачи снова закивали—все были в полной растерянности.

— А вы что, доктор, верите в чудеса?—спросил Бялого молодой врач-ординатор.

— А-а-а! Бросьте!—доктор махнул рукой.—Поработайте-ка с моё среди умирающих пациентов! Таких чудес насмотритесь! Обычный феномен автоисцеления.

— А как же...—ординатору не терпелось поподробнее расспросить опытного врача, но доктор Бялый, строго помотав головой, пресёк все разговоры.

— Срочно отправьте пациентку на анализы!—повторил он приказ.

Но врачи ещё продолжали с нескрываемым удивлением осматривать Галину.

Доктор Бялый подошёл к неподвижно сидевшему на табурете Роману и заглянул в его лицо. Затем он приложил руку к шее Романа.

Галина бросила украдкой взгляд на доктора и увидела, как тот снова резко изменился в лице, побледнев уже во второй раз.

— Сюда!—махнул он рукой, подзывая к себе врачей.

Медики быстро подошли и склонились над Романом, попеременно ощупывая его лицо и шею.

Галина поднялась со стула и сделала несколько робких шагов на подкашивающихся ногах...

Роман сидел в застывшей позе, скрестив на груди руки и чуть склонив голову. На его лице с полукрытыми глазами застыла счастливая улыбка, как в тот самый день, когда он впервые поцеловал Галочку.

— Уже остыл...—пробормотал доктор Бялый и растерянно поглядел на Галину.

— Ромочка!—вырвался пронзительный крик у Галины и зазвенел под потолком.

«Галочка!»—прошелестел в ответ ласковый голос Романа.